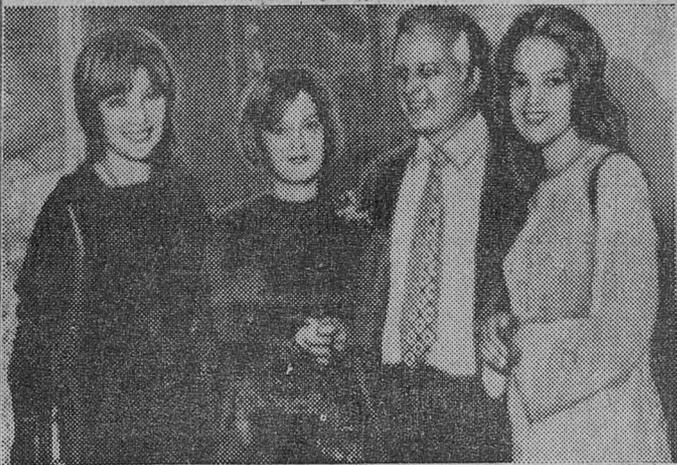

КРАСНЫЕ ФЛАГИ В СОРРЕНТО

Постановщик фильма «А зори здесь тихие...» С. Ростокский и актрисы О. Остроумова, Е. Маркова, И. Шевчук в гостях у итальянских зрителей

СТАРУХИ И ИХ СТРАХИ

Ночью, под проливным дождем, к одному из бесценных отелей Сорренто подъехал гигантский сверх-автобус — так называемый пульман.

Выхватывая на ходу зонтики из стоящей у входа в гостиницу высокой вазы, служители бросились встречать приехавших.

Над английскими туристами, что сходили один за другим по ступенькам пульмана, раскрывались опрокинутые чаши огромных черных зонтов. Леди и джентльмены проходили в отель, не затронутые ни единой каплей дождя, так и не узнав, не запоздравив даже о счастье быть захлестнутым буйным, теплым, веселым, косым соррентийским ливнем.

Подавляющее большинство в этой группе составляли дамы почтенного возраста. На Западе это стало одной из примет времени — бурная «миграция» состоятельных немолодых женщин, а проще сказать — богатых старух. Нет такого места на земле, где они не бродили бы толпами: у подножия египетских пирамид и в залах ленинградского Эрмитажа, среди развалин Акрополя, на площадях Мадрида и, конечно же, во всех концах итальянского «сапога».

Гостей разместили в заказанные для них заранее номера... Через несколько часов, как и следовало ожидать, наступило утро — сияющее, голубое, солнечное. Гости стали чуть свет раздвигать шторы и поднимать ставни в своих комнатах — как пропустить солнечное утро в Сорренто...

Выглянули из окон — да так и ахнули: вся улица, главная улица города, в красных советских флагах!

Английские старые дамы не имели, конечно, ни малейшего представления о том, что в эти дни в Сорренто проходил фестиваль советского кино и что их гостиница расположена против кинотеатра «Армида», где демонстрируются наши фильмы. И вот в неаполитанской газете «Маттино», то бишь «Утро», появляется статья под заголовком «Тревога английских туристов по поводу развешивающихся красных флагов». В этой статье, подписанной некоей Этой Комито, говорилось, будто английские туристы «...уже начали представлять себе танки с красными звездами на Пьяцца Тиссо».

У нервных старушек, впрочем, могло быть еще очень много поводов для страхов: в эти же дни в Сорренто и в других городах Италии демонстрировались грозные советские моды эстонского дома моделей, на итальянских стадионах играли воинственные советские баскетболисты и футболисты ташкентского «Пахтакора», танцоры молдавского ансамбля отбивали на итальянских сценах ритмы, в которых старые английские леди без труда могли услышать призы к мировой революции. А уж в Неаполе...

В Неаполе в эти дни открылась советская выставка с грандиозным отделом космоса и, что особенно опасно, в ресторане при этой выставке подавали русский борщ и киевские котлеты, изготовленные прибывшими из Москвы красными поварами!

КОЛДОВСТВО КИНЕМАТОГРАФА

Кинофестиваль в Сорренто проводится по своеобразному принципу: каждый год приглашается одна из кинематографических стран и ей целиком отдается на 7 дней экран фестиваля. Здесь проходили праздники кинематографии Франции, Венгрии, США, Швеции.

В нынешнем году в Сорренто состоялся фестиваль советского кино. Мы привезли и показали 28 наших полнометражных картин и множество короткометражек и мультипликаций. По четыре

фильма демонстрировалось ежедневно в большом кинотеатре «Армида». В другом театре — «Тассо» — проходили просмотры для прессы и устраивались пресс-конференции.

Программа фестиваля была составлена из новинок нашего кино и из фильмов ретроспективы. Так, наряду с «А зори здесь тихие...» и новым фильмом для детей «Точка, точка, запятая...» шли «Октябрь» и «Мы из Кронштадта», «Арсенал» и «Коммунист», «Учитель» и «Баллада о солдате», «Белорусский вокзал» и «Король Лир», «Освобождение» и «Андрей Рублев» и много других картин.

Экспонировались кадры из фильмов о Владимире Ильиче Ленине и выставка «Человек нового мира».

Каждый вечер перед началом демонстрации очередного нашего фильма на главной улице Сорренто от гостиницы «Эксельсиор» до входа в кинотеатр «Армида» вдоль тротуаров протягивались белые шнуры и выстраивались полицейские, чтобы оставить свободным путь для участников смотра.

И каждый вечер собирались толпы людей, которые приветствовали проходящих в свете прожекторов советских кинематографистов.

И вот в один из первых таких вечеров я зашел в «Армиду», чтобы посмотреть, как зрители принимают наш фильм.

Шла картина «А зори здесь тихие...»

Я видел фильм в Москве, и тогда он мне показался несколько растянутым, неудачным мне представилось современное обрамление, и еще к ряду частностей были у меня претензии, хотя картина, на мой взгляд, получилась в главном — захватывала и волновала судьба девушек.

И вот я сижу в зале, заполненном итальянскими зрителями, и куда же девались все мои недовольства?

Я непроизвольно погружаюсь в атмосферу драматической напряженности зала, она обволанивает меня, я дышу одним дыханием со всеми, вместе с ними смеюсь и вместе с ними напряженно слежу за судьбами этих девочек, которых война принудила убивать, которые погибли сами. Было просто невозможно отделить себя от этих рыдающих итальянских зрителей...

Давно известная истина о том, что киноискусство сближает народы, как бы заново волнуешь открывалась мне.

Я вслушиваюсь в дыхание зала, всматриваюсь в заплаканные лица зрителей — итальянцы узнают о наших людях, о нашей жизни, о наших тревогах, о нашем счастье и о нашем горе.

Оживают заново элементарные истины о силе кино — заново звучат они для меня. Я будто впервые узнаю об этой гипнотической силе, об этом колдовском искусстве...

КОНФУЗ «СИНЬОРА ДОТТОРЕ»

Итак — советские фильмы в Италии! Мы показывали их не только в Сорренто, но и в Неаполе, и в ряде маленьких городков Юга.

В Амальфи, куда приехал Сергей Бондарчук с «Судьбой человека», люди в кинотеатре встали и пели «Интернационал».

Мне поручили прочесть лекцию о советском кино в городке Авеллино, где все население — восемь тысяч человек.

За мной в гостиницу заехали двое посланцев из Авеллино — муж и жена — Лючита и Этторе Десоникс. Как только машина тронулась с места, Лючита и Этторе — оба коммунисты — буквально забросали меня вопросами. Они спрашивали, и машину заносило на поворотах, я отвечал, и мимо нас со свистом, со скоростью 150 километров пронеслись такие же сумасшедшие итальянские машины, как наша.

Они были необыкновенно красивы оба — Лючита и Этторе, и их одинаково волновали политика и наука, искусство и профдвижение, декретные отпуска и поэзия, морозы Сибири и регистрация брака...

Очень они мне понравились, эти ребята.

В Авеллино, раньше чем явиться в кинотеатр, где должна была состояться лекция, мы подъехали к помещению местной организации Компартии Италии, где нас уже ждали.

Встречу эту забыть невозможно.

Мы много знаем об Итальянской компартии, но очутиться тут, в низовой их организации, среди пришедших на встречу с советским человеком, увидеть эти горящие глаза, эти улыбки, почувствовать пожатия их рук... Потом была лекция и ответы на вопросы. Их было много, вопросов, и ответы выслушивались с большим вниманием.

Но вот поднял руку и пошел к эстраде средних лет растрепанный человек. «Синьор Дотторе», — послышались иронические возгласы. Он подошел к микрофону и начал выкрикивать что-то пламенное — то и дело мелькало понятное на всех языках слово «пропаганда». Он почему зря ругал советское кино, говоря, что в нем нет ни грама искусства, что это большевистская пропаганда.

Наступила моя очередь выступать. Я сказал, что раньше, чем ответить, хотел бы задать синьору вопрос: какие советские фильмы он видел?

Я передал ему микрофон. И вдруг «Дотторе» скис, растерялся, захлопал глазами, замолчал. Он не мог назвать ни одной картины.

Зал взорвался от восторга.

СЕМЬ ДНЕЙ НЕДЕЛИ

По традиции на каждом фестивале в Сорренто есть своя «крестная мать». На сей раз это была известная на Западе киноактриса Ира Фюрстенберг. Известность ее, впрочем, кроме экрана, основана еще и на том, что ее фотографии постоянно мелькают на обложках и на страницах модных журналов — она одна из «законодательниц мод».

В вечер открытия фестиваля зал «Армиды» был заполнен до отказа.

На сцену вышла Луизелла Бонни — известная всей Италии диктор телевидения. Она пригласила к микрофону мэра Сорренто господина Лауро, главу советской делегации Н. Сизова и почетного президента нынешнего фестиваля С. Бондарчука.

Мэр оказался очень старым господином. Ему помогли подняться на сцену, и он раскрыл объемистую рукопись...

Затем приветствие «крестной матери», и фестиваль открылся фильмом «Укрощение огня» Д. Храбровицкого. И публика, и пресса хорошо приняли этот фильм.

И только в неаполитанской «Маттино» рядом с доброжелательными статьями о нашем фестивале появлялись глупые и злобные заметки мадам Этты Комито, о которой я упоминал выше.

На завтраке, данном для нас Союзом журналистов, глава советской делегации Н. Сизов в своем выступлении походя остроумно высмеял эту мадам. Примечательно, что после этого мадам Комито как волной смыло со страниц «Маттино».

Фестиваль закончился торжественным заседанием в неаполитанском театре Сен Карло и приемом в бывшем Королевском дворце. Наши добрые друзья Витторио Де Сика, Джина Лоллобриджида, Витторио Гасман и другие выдающиеся деятели итальянского кино вручали призы авторам фильмов.

Перед тем как уехать, я вышел ночью и пошел бродить по улицам. То была единственная возможность увидеть Сорренто не изуродованным толпами туристов, не забитым машинами, не пропахшим выхлопами высокооктановых горючих, не оглушенным «ахами» и «охами» на всех языках. Сорренто — без промышленности туризма.

Городок был тих и прекрасен. Лунный свет так шел к этим старинным и под старину выстроенным зданиям!

Напоминая о прошедшем фестивале, в витринах еще оставались кое-где портреты наших кинематографистов — Донатас Банионис среди эффектно разложенного дамского белья, Виктория Федорова, окруженная баночками селедки, Юткевич и Герасимов между связками бананов и бутылками кьянти...

Город спал, закрыв все свои разноцветные ставни, спал, отдыхая от жары, от нашествия любопытствующих иностранцев.

Сорренто спал и был теперь, вероятно, похож на тот уютный городок, где жили Гёте и Толстой, Тургенев и Горький.

Наступало утро, и я увидел, как вдали, в туманной дымке стал возникать остров Капри, остров, с которым навеки связал нас Горький, остров, на котором стоит над морем высеченный из белого мрамора памятник со словами «Ленину — Капри».